

Лидия Вертинская

ГРАФИКА

Александр Вертинский
с дочерьми Марианной
и Анастасией. Москва,
начало 50-х.

Лидия Вертинская с
дочерьми, конец 40-х.

СИНЯЯ ПТИЦА ЛЮБВИ

Когда близкий человек уходит из твоей жизни, то невольно хочется сохранить и запечатлеть его образ в своём сердце. Мамы не стало в 2013 году, и моя память постепенно,

по крохам, стала «реставрировать» её образ. Всплывали воспоминания детства, я по частицам собирала свою МАМУ, которая так и не собралась в это традиционное понятие. Она не была МАМОЙ в обычном понимании любого ребёнка, не пела перед сном колыбельные, не пекла нам с сестрой вкусные пирожки и не завязывала бантики в косички. Она, скорее, была третьей дочерью моего великого отца. Он был на 34 года старше её, был мудрее и знал жизнь со всеми лишениями своего сиротского детства. Он был для неё всем, кумиром эстрады, опорой семьи, советчиком по жизни и беспрекословным авторитетом в искусстве. Он, как истинный мужчина и глава семьи, не хотел, чтобы его Лилочка работала или занималась бытом, он хотел видеть её всегда красивой, ухоженную и влюблённую в него, юную жену с двумя девочками рядом.

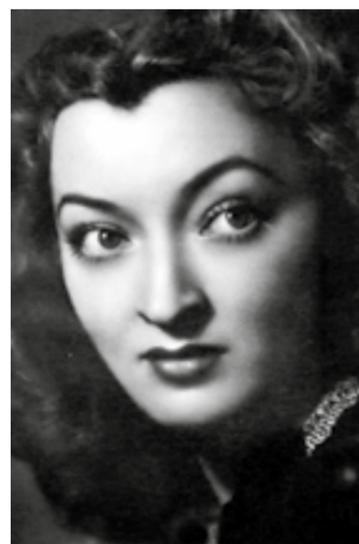
Но жизнь в Советском Союзе, куда он вернулся в 1943 году, где ещё шла война, диктовала другие реалии. Он направил её учиться в Суриковский институт, провидчески угадав в ней талант художницы. Её экзамены стали для него важнее своих собственных концертов. Он писал ей шпаргалки по истории КПСС своим красивым размашистым почерком, и она, волнуясь перед этим самым грозным политическим экзаменом, в котором плохо разбиралась, умоляла его: «Сашенька, ну пожалуйста, пиши мельче!»

Бабушка Лида, её мама, шила ей широкие юбки с карманами, в которых с трудом помещались эти лекции по КПСС, написанные рукой великого артиста, звездой Серебряного Века Александром Вертинским... Когда его не стало, на её хрупкие плечи упало бремя содержания всей нашей женской семьи: бабушки Лиды, Маши и меня.

Техника резьбы по линолеуму, которая называется ЛИНОГРАВИОРОЙ, весьма сложная, кропотливая, требующая не женских усилий. Я хорошо помню мамины руки, уже ставшие жесткими и грубоватыми, запах печатной краски в доме, маленький парусиновый складной стульчик и мольберт, стоявшие в коридоре, готовые уехать в Тарусу. Она много путешествовала по России, восхищалась осенними пейзажами природы, заброшенными церквями, русскими деревушками, утопавшими в сугробах, писала натюрморты, по которым затем создавала свои гравюры. Каждая её работа, это печать из нескольких досок, вырезанный тонкими штихелями. В комнате, где она работала, стоял огромный тяжёлый станок с круглым металлическим рычагом, которым мама, как какой-нибудь фрезеровщик на заводе, прижимала тяжёлую плиту пресса. Удивительно, что из под этой металлической махины выходили нежные пейзажи и яркие натюрморты. Её труд принёс ей успех, и гравюры, сделанные её рукой, раскупали в художественных салонах, а выставки в Домах творчества и выставочных залах всегда получали одобрение публики. Она прожила замечательную, долгую жизнь, была счастливой любимой женой Александра Вертинского, красавицей, киноактрисой, успешной, талантливой художницей. Ну и что ж, что она не была МАМОЙ, пекущей ароматные пирожки, это за неё замечательно делала наша бабушка, главное то, что она была музой великого артиста и поэта и замечательной тонкой художницей.

Анастасия Вертинская

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Однажды у меня состоялся с Александром Николаевичем серьёзный разговор. Он сказал, что стареет и ездить на гастроли в таком темпе ему уже не под силу. Гастрольбюро не щадило его и гоняло по всей стране, так как концерты Вертинского по-

стоянно давали полные сборы, которые шли в бездонную кассу ВГКО, да к тому же налог с его заработка взымался большой, а помимо налога высчитывали ежемесячно и государственный заем. Концертная же ставка солиста у Вертинского была низкая, так как более высокую давало звание Заслуженного или Народного артиста.

Мужа не оставляло беспокойство о детях. «Мне много лет. Как они вырастут? Доживу ли я до этого? Как их обеспечить? Все это мучает меня и терзает дни и ночи. А тут еще расхлябанный нервный аппарат актера-одиночки... фактически не признаваемого страной, но юридически терпимого», - писал мне Вертинский.

Александр Николаевич посоветовал мне поступить в художественный вуз, чтобы закончив его и получив диплом, я могла бы зарабатывать и содержать семью, когда его не станет. Муж сказал мне следующие слова: «У тебя есть способность, ты упорный и целеустремлённый человек, и я верю в тебя. Учись и получи профессию».

Я согласилась с ним, так как мечтала серьёзно заниматься изобразительным искусством. У Вертинского был друг юности - художник Александр Александрович Осмеркин. Мы посоветовались с ним, и я вначале прошла

подготовку в вечерней школе рисунка для рабочей молодежи.

В 1947 году я стала посещать уроки рисунка и живописи, организованные для рабочей молодежи при Доме Союзов. Потом год я посещала как вольнослушатель художественный институт имени Сурикова, затем поступила туда на первый курс. Всего в Суриковском институте я проучилась пять лет плюс еще дипломный год. Диплом я защитила на «отлично» в 1955 году.

Окончила я театрально-декорационный факультет - мастерскую профессора Михаила Ивановича Курилко. Так распорядился директор института Федор Александрович Модоров. Его назначили директором после того, как изгнали художников-«формалистов» А.А. Осмеркина, Сергея Герасимова, Н.Х. Максимова и других, короче - весь прежний состав педагогов. Модоров выписал художников из Мстеры и Иванова. Они все окали, были праведниками и строго следили, чтобы студенты работали в реалистическом направлении.

Когда я училась на первом курсе, выходила из дома в восемь часов утра и возвращалась в девятом часу вечера. Институт от моего дома был далеко, на Таганской. С утра у нас - три часа рисунок и дальше - четыре часа живопись. После этого - две лекции по два академических часа ежедневно. Выходной день в воскресенье.

Русское искусство преподавал замечательный профессор Михаил Владимирович Алпатов, а западное искусство - тоже замечательный профессор Андрей Дмитриевич Чегодаев. Еще мы изучали основы марксизма, политическую экономию, диалектический и исторический материализм. Затем - перспективу, технику живописи и анатомию, которую вел известный анатом Усков.

Весь год мы писали портреты - мужской и женский. Нашему курсу заказали в Анатомическом музее человеческую голову со снятой кожей. Надо было изучать располо-

жение мышц лица и шеи. Но нашу заявку из института неправильно поняли, и вот в музее перед нами на большом металлическом блюде лежит половина отрубленной головы. На синей коже – черная щетина, огромный вывалившийся язык и один остекленевший глаз висит на какой-то жилке.

Одни студенты разглядывают голову с любопытством, другие – с ужасом. Я в числе любопытных. В воздухе стоит трупный запах, который липнет к телу и одежде. Рядом – зал с бассейном, где плавают в парафине вздутые трупы. Зрелище не для слабонервных.

После лекции я бегу домой. Александр Николаевич сам открывает мне дверь. Я вхожу и радостно говорю: «Алло, вот и я!» Александр Николаевич почувствовал запах, шарахается: «Лилечка! Какой ужас! Сейчас же снимай с себя всю одежду и быстро мыться! В ванну! Под душ!» Он помогает мне раздеться и кричит домработнице: «Манька, наливай быстро ванну, барыню надо мыть!!» И я быстро опускаюсь в воду. Александр Николаевич, подхватив мою пропитанную трупным запахом одежду, спешит на балкон проветрить ее на свежем воздухе.

Мне весело и смешно. Но у Вертинского обостренное обоняние. Он обожает аромат хороших французских духов и в ужасе от принесенного мною запаха.

Вертинский с большим интересом и участием наблюдал за моей учебой в советском вузе. Однажды он присутствовал на собрании ВГКО, где обсуждались идеологические вопросы. Было много выступлений, Александр Николаевич тоже выступил, поразив всех своим знанием марксизма-ленинизма. Дело в том, что память у Вертинского была профессиональная, и он хорошо запомнил мои конспекты по марксизму-ленинизму, которые помогал мне переписывать.

Я не могла ни запомнить, ни понять ничего из лекций по этому предмету и перед экзаменами писала шпаргалки. Прячала их в специально пришитые мамой большие внутренние карманы моего пиджачка. И шпаргалки помогал мне писать Александр Николаевич, но – крупным почерком, хотя я умоляла пи-

сать мелко. Ему нравилось мне помогать, от всей души он ставил в конце листика шпаргалки свой знаменитый автограф: «Александр Вертинский!» Ими мы пользовались на пару с моей однокурсницей Гулей Дмитровой и дрожали, что будет, если преподаватель обнаружит наши шпаргалки и увидит на них неподражаемый росчерк. Жаль, что я не сохранила написанные и подписанные Вертинским шпаргалки...

Чем я жила в то время? Вот что писали обо мне в буклете на выставке в Манеже по поводу одной из картин. «Л.В. Вертинская окончила театрально-декоративный факультет Института имени В.И. Сурикова в Москве. Увлечшись гравюрой, она посвящает свое творчество искусству эстампа. Лирический пейзаж – одна из любимых тем художницы. Из своих поездок по стране Л.В. Вертинская привозит обширный материал для своих линогравюр, в которых с большой поэтичностью стремится рассказать о природе Севера, о причудливых красках белых ночей. Одна из наиболее популярных вещей художницы – цветная линогравюра «Синие дали», посвященная живописным тарусским местам. Это романтическая новелла о русской зиме, о спящей под ледяным покровом Оке, о синих тарусских даях, о которых писал К. Паустовский: «...Пожалуй, нигде поблизости от Москвы не было мест таких типично и трогательно русских по своему пейзажу. В течение многих лет Таруса была как бы заповедником этого удивительного по своей лирической силе, разнообразию и мягкости ландшафта».

После смерти Вертинского мне пришлось приниматься за работу и содержать свою большую семью. Я начала работать в графическом комбинате с другими профессиональными художниками. В те годы эстамп был в моде и хорошо раскупался в художественных сало нах. Так понемногу я стала зарабатывать на жизнь. Доченьки подрастали, моя мама была с нами, помогала и всей душой, сердцем, за что я ей очень многим обязана и всегда ее помню.

Потом я увлеклась цветной линогравюрой. Гравировала специальными инструментами – штихелями по линолеуму. Работа трудоемкая, и я по многу часов сидела, согнув спину, и гравировала.

В то время моей темой был пейзаж. Я ездила по Подмоскovie и с увлечением писала любимые березки, поля, леса и речки. Моя гравюра «Синие дали», экспонировавшаяся на выставке в Манеже, была отмечена, меня приняли в Союз художников. Членство в Союзе позволило мне участвовать в выставках и сдавать работы на продажу в художественный салон.

Союз художников владел творческими домами в разных краях страны. Творческая командировка выдавалась на два месяца. Там ежедневно мы уходили на этюды, а если надо было, нас развозил по округе транспорт. По его ходу мы выбирали понравившиеся пейзажи, высаживались, а через несколько часов, ближе к обеду, за нами опять приезжали и увозили обедать. Командировки были замечательны, от нас требовали только усердной работы, а взамен предоставляли все: бесплатные билеты на поезд или самолет, в Доме творчества – питание, комнаты для проживания и мастерские для работы, отпуская даже деньги на натуре.

Я работала во многих творческих командировках. Была в Эстонии, в Паланге. Мы жили в старинном особняке с большим садом и таинственным темным прудом, вокруг которого стояли черные деревья. Побывала в Хосте, недалеко от Сочи, около моря. Там нас увозили далеко в горы, серовато-землистые, в голубом тумане. Была ранняя весна, еще не появилась зелень. Нравилась мне и цветущие деревья в Ботаническом саду Адлера, где росли величественные сосны, над прудами склонялись плакучие деревья и цвела дивной красоты японская вишня.

Ездили в Тарусу. Первый раз мы оказались там глубокой зимой, когда овражистая Таруса пряталась в сугробах. Поразили березы, росшие не поодиночке, а буквально кустами, и очень высокими, этого я больше никогда и нигде не встречала. Это был волшебный заснеженный березовый край и синие дали. Сказочная красота!

Второй раз я побывала в Тарусе ранней весной. Деревья, как прозрачные веера. Ока таяла и вилась вдаль темной змейкой. Я уходила на этюд, выбирала место и садилась

рисовать или писать полюбившийся мне пейзаж. Слегка надломив тонкую веточку березы, ставила под надлом стакан, и время от времени пила холодный березовый сок. Весенний день долгий, работала я до сумерек.

И еще раз я приехала в Тарусу осенью. Все леса были в золотистой листве, и трава шуршала под ногами. На этот раз наш Дом творчества был закрыт, и мы с моей подругой художницей Наташей Земблиновой сняли комнату в избе у старушки в деревне Почеве. Работали с упоением с утра и до позднего вечера. Я вспоминаю Тарусу с большой нежностью. Я нигде больше не встречала русскую природу такой красоты.

Запомнилась мне поездка в Иркутск с группой художников на два месяца. В марте нас повезли на Байкал, где на вершинах сопот еще лежал снег, а озеро было замерзшим и покрытым толстым слоем темного льда. Нас возили в открытом грузовике, и я узнала, что баргузинский ветер бывает верхний и нижний, что он злой и кусает, сбивает с ног. Ездили мы и на самоходе по льду, пили из проруби необычайно вкусную воду чудо-озера. По ночам и в солнечный день раздавались взрывы, это трескался его лед. Из Иркутска до Байкала прекрасная дорога, по которой лихие сибиряки любят мчаться на мотоцикле «с ветерком», к сожалению, и разбиваются. На берегу в поселке Листвянка построено большое здание Лимнологического института Сибирского отделения Академии наук. В нем работали энтузиасты, приехавшие из Ленинграда, они очень пеклись о чистоте воды в Байкале, воевали с дирекцией целлюлозного комбината, загрязняющего ее своими отходами.

Возили нас и на другой берег в город Слюдянку, около которого находятся мраморные карьеры. Там же добывают слюду и изумруды. Городок отапливался углем, и дома, заборы, деревья стояли все черные. На фоне снега получалось красиво – чистая графика.

Однажды в конце зимы мне выдали профсоюзную путевку в подмосковное Абрамцево. Это одно из самых красивых мест под столицей... Холмистое, смешанный лес, особенно хороши высокие стройные ели и красиво

вьется река Боря. Оттуда я тоже привезла домой хорошие этюды. А сейчас уже нет больше ни творческих домов для художников, ни договоров на предстоящие выставки. Ушла сплоченность художников, нет общения. Встречаемся мы лишь на выставках, радуясь друг другу и вспоминая былые времена.

Все же самые светлые воспоминания вызывают у меня студенческие годы. Отношения с однокурсниками у меня были прекрасные, дружба со многими сохранилась и по сей день. Я была по возрасту старше многих, но были и такие, кто вернулся после войны и поступил учиться.

Я с радостью ежедневно занималась любимым делом: писала масляными красками натуру и рисовала по многу часов в день. Летом нас вывозили на практику в Переславль-Залесский, Суздаль, Владимир. Во Владимире мы работали на тракторном заводе над тематическими картинами и портретами рабочих.

6 Обычно нас поселяли в опустевших на лето школах. В спортивном зале ставили рядами кровати. Питались мы в местном общепите. В столовую Переславля завозили бочки с пересоленной свининой, и все лето мы ели ее с макаронами или картошкой. Первое время мой желудок бунтовал, но так как другого выхода не было, смирился. Ходили писать к Плещееву озеру, окруженному плакучими ивами. В XVII веке молодой Петр I строил тут свою флотилию. Вблизи Переславля не было лесов. Как жаль, что глава города каждую неделю устраивал себе банный день, для этого по его приказу разбирали старинную башню-вышку, сооруженную из толстых бревен.

Во Владимир приехала проверить нашу работу комиссия во главе с директором института Федором Александровичем Модоровым. Педагоги остались довольны, и нас повезли полюбоваться старинным Суздалем. Дорога туда была без асфальта, очень пыльная. Модоров ехал в легковой машине впереди, мы все за ней в открытом грузовике. Пыль стояла столбом, и мы в нем пели хором: «Здорово, здорово учиться у Модорова!».

Наверное, трудно было поверить, что покрытая пылью молодая женщина на полу в грузовике - жена знаменитого Вертинского. Хорошо помню также хмурые первые дни марта 1953 года. Я училась на 4-м курсе в мастерской М.И.Курилко, где живопись вел правая рука Модорова художник Аркадий Михайлович Кузнецов. Мы сидели за мольбертами, когда он пришел и сообщил о смерти Иосифа Виссарионовича Сталина. Велел нам соблюдать дисциплину, предупредив, что тот, кто пропустит хотя бы день занятий, будет немедленно исключен из института. Выражение лица у него было строжайшее.

Я, как и сейчас, жила в самом центре - на улице Горького, теперь - Тверской, и обычно ездила на занятия со станции метро «Площадь Революции» до «Курской», где пересаживалась до нужной «Таганской». Выйдя на Таганскую площадь, шагала до Товарищевского переулка, где находился институт. В эти траурные дни в Доме Союзов шли приготовления к похоронам, и весь наш район был блокирован. Были установлены один к одному крытые военные грузовики, и я на четвереньках проползала под ними и бежала к метро. Домой возвращалась таким же способом. Между прочим, приезжать на такси в институт нам было строго запрещено преподавателем марксизма-ленинизма.

В день похорон студентам велели не приходить на занятия и оставаться дома. Мы с Александром Николаевичем сидели у включенного телевизора. Из Колонного зала Дома Союзов передавали церемонию похорон, звучала траурная музыка. Александр Николаевич молчал и курил. Мы долго смотрели на экран, как поток людей медленно шел прощаться с покойным вождем.

Целые дни я проводила в Суриковском институте. Мама вела хозяйство, а у девочек была няня, потом - англичанка-гувернантка Франциска Давидовна. Наши девочки были очень живые, бедная Франциска Давидовна с трудом с ними справлялась. Она часто тяжело вздыхала и грустно качала головой. Потом уехала в Англию к сестре, и ее место заняла милая Ольга Алексеевна. Была еще педагог по музыке Фрида Слободская, при-

ехавшая из Шанхая. Но уроки игры на рояле продвигались плохо, потому что Фрида была сухим и бездушным преподавателем.

После окончания института в 1955 году мне предложили работу в цирке. Я поехала в Воронеж, где гастролировал укротитель тигров Александров. Надо было придумать новое оформление арены и костюмы для актеров. Несколько дней я смотрела, как работает Александров со своей хорошенькой женой, разъезжавшей перед тиграми на велосипеде. Под впечатлением этого и зрелища приезжавшего недавно в Москву чехословацкого «Балета на льду» я придумала красивые костюмы для жены Александрова. Она была в восторге, а сам Александров только кряхтел и посмеивался. Потом я сделала эскиз ковра и прочее оформление. Все было довольно. Александров рассказал мне, что с тиграми и львами можно работать только первые четыре года, затем звери становятся злыми и неуправляемыми. Когда в Москве в бухгалтерии цирка мне выплатили первый гонорар, я очень растерялась. Побежала домой и отдала деньги маме. А Вертинский обиделся: «Почему ты деньги отдала маме?» Он был прав, лучше бы я купила бутылку хорошего коньяка мужу и подарки всей семье.

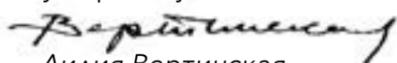
Интересно вспоминает разные случаи того времени вдова художника Осмеркина Надежда Георгиевна. Например, о том, что Вертинский однажды договорился заехать за нею, чтобы привезти к нам на дачу. **Надя сказала, что без своей собаки Шарика не поедет. Александр Николаевич согласился со своим обычным грассированием: «Черт с ним, с вашим Шагилом, поедемте!»** Приехали. На даче Шарик тут же бросился на нашего котенка, и тот, испугавшись, вскарабкался на высокую сосну. Александр Николаевич сказал: «Ну, началось!»

Лето 1955 года на даче мне запомнилось и потому, что я делала там свою дипломную работу «Роман о Тристане и Изольде». Мне надо было показать написанные темперой эскизы моему преподавателю Михаилу Ивановичу Курилко. Мы решили устроить обед и пригласить на него Михаила Ивановича. На большой веранде накрыли стол, и я поехала

на машине за Михаилом Ивановичем в Малаховку, где он жил. Курилко ждал в прекрасном белом костюме и приготовил для меня большой букет белых лилий. Я тоже была в белом платье. Когда мы приехали на нашу дачу и вошли в сад, Вертинский и Осмеркина стояли на балконе. Их поразил наш вид: мы в белом, в руках у меня огромный белоснежный букет, каштановые волосы рассыпались по плечам. Надежда Георгиевна воскликнула: «С ума можно сойти, какая красота! Лечь и умереть, потому что красивее я ничего не видела!» Мой муж тоже воскликнул: «Вот именно! Дивный образ!».

Я принимала участие в выставке Академии художеств в 1955 году; в выставке, организованной Государственным центральным театральным музеем имени Бахрушина; выставке в Чехословакии (Прага и Братислава); в Румынии (Бухарест); в Венгрии (Будапешт) (1956 - 1958) («Тристан и Изольда»); в Тушинской картинной галерее (1979 - 1982); в выставках молодых художников Москвы (3-я, 4-я, 5-я); женщин-художниц; в выставке советского эстампа (1961) (Комбинат графического искусства); во второй Всесоюзной выставке эстампа (Киев - Москва, 1963); в выставке живописи и графики женщин-художниц Москвы, посвященной 50-летию Советской власти (Москва, 1967); в выставке, посвященной Ленинскому субботнику (Москва, пищевой комбинат им. В.И. Ленина, 1982); в осенних и весенних выставках в Москве. Постоянно участвовала в выставках-продажах в пользу Фонда мира. Принимала участие в выставке, посвященной 100-летию русского эстампа (Москва, 2000); в выставке в московском Манеже (2003).

Имею: Диплом Московского отделения Художественного фонда РСФСР; Почетный знак и Грамоту Московского комитета защиты мира; Почетную грамоту Комбината графического искусства в связи с 25-летием и 30-летием творческой деятельности; Почетную грамоту в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции; Почетную грамоту секретариата правления Союза художников СССР; благодарственную грамоту Комитета советских женщин.

Лидия Вертинская

СПАСЕНИЕ

Жене Л.Вертинской

Она у меня, как иконка -
Навсегда. Навсегда.
И похожа она на орлёнка,
Выпавшего из гнезда.

На молодого орлёнка,
Сорвавшегося со скал,
А голос её звонкий
Я где-то во сне слышал.

И взгляд у неё - как у птицы,
Когда на вершине гор
Зелёным огнём зарницы
Её озаряют взор.

Её не удержишь в клетке,
И я ей сказал: «Лети!
Твои непокорные предки
Тебя сберегут в пути».

Но в жизнь мою сонно-пустую
Она спокойно вошла,
Души моей книгу злую
Она до конца прочла.

И мне ничего не сказала,
Но взор её был суров,
И, точно змеиное жало,
Пронзила меня любовь.

И в песнях моих напрасных
Я долго ей пел о том,
Как много цветов прекрасных
Увяло в сердце моём.

Как, в дальних блуждая странах,
Стучался в сердца людей,
Как много в пути обманных
Манило меня огней.

Она сурово молчала.
Она не прощала. Нет.
Но сердце уже кричало:
«Да будет, да будет свет!»

Я понял. За все мученья,
За то, что искал и ждал,-
Как белую птицу Спасенья
Господь мне её послал...

1940
[Шанхай]

СТАРОМОДНЫЙ РОМАНС

Л.В.

Ты смотри, никому не рассказывай,
Как люблю я тебя, ангел мой,
Как тебя, в твоём платье газовом,
По ночам провожаю домой.

Как, глядя в твои очи зелёные,
Я весь мир забываю, любя,
Как в осенние ночи бессонные
Я тоскую один, без тебя.

Никогда мы уже не расстанемся,
Нас никто не разлучит с тобой.
Только в сердце навеки останется
Эта память о злобе людской.

Только людям молчи, что ты нежная,
Что ты любишь меня одного,
Что из нашего счастья безбрежного
Не отнимут они ничего.

Всё пройдёт, как проходит ненастие,
Будут радости полны года.
Мы с тобой сохраним наше счастье.
Знай: любовь побеждает всегда.

Будь спокойна, моя ясноглазая.
Об одном только помни всегда:
Никому про любовь не рассказывай.
Никому, ничего, никогда!

1941

ИЗ ПИСЕМ АЛЕКСАНДРА ВЕРТИНСКОГО К ЖЕНЕ

Иркутск.
20 января 1951.
Пекочка моя дорогая!

У тебя плохие отметки? Ой, бедняжка! Воображаю, как ты зубрила и как ты расстроена! Ну что ж, путь к науке не усыпан розами. Учиться трудно, и надо тратить много сил и энергии. Я, например, учился на двойки всю жизнь, изо всех гимназий меня выгоняли. Неудачи неизбежны. На чем же ты срезалась? Диамат? Истмат? Бедняжка! Ничего, тебе дадут переекзаменовку. Не принимай это очень близко к сердцу, все впереди. Ты же молодец! Кстати, взрослые пожилые люди держат экзамены по партийной линии и «срезаются» как школьники! Недавно я беседовал с одним бывшим совработником, чиновником лет 55-ти. Так он жаловался мне, что у него на экзаменах холодеет в груди и ноги дрожат. «Смешно, – говорит, – а я волнуюсь, как мальчик!» И уже второй раз проваливается. Так что, что ж тут удивительного в твоих неудачах. Телеграммку твою получил и очень растрогался. В другое время я бы все бросил и полетел, но такой момент упущен.

Уже объявлен ряд городов, выпущены афиши и проданы билеты. Я должен петь эти концерты...
...Поезжай, Пекочка, в Л-д! Поброди по Эрмитажу – отвлекись. А вернешься – я уже буду дома. Я очень по вас скучаю – как собака! Сам с собой разговариваю, глядя на карточки. Но что ж делать! Надо работать. Обносился, оборвался, все в дырках... Наплевать. Я войну не воевал, вот я теперь за это расплачиваюсь. Это как на фронте, только что не стреляют. А тяжело так же. Если не хуже. Но скоро уже конец – я вернусь, будем с тобой ходить в театры, на выставки и куда хочешь.

Дома у нас красиво теперь, после ремонта! Буду сидеть в креслах в кабинете, играть с дочками, будем с тобой «пить золотое вино» за «ваши печальные детские губы»... Словом. Все будет хорошо – и очень скоро. Целую тебя крепко, моя маленькая добросовестная ученица, не унывай! Грызи дальше гранит науки! Все образуется.

Целуй моих красавиц доченек. Привет Л.П. и всем.

Саша.

Москва.
Июнь 1952.
Лиля!

28-го вечером, после того как я подал прошения твои:

- 1) О разрешении держать экзамены осенью,
- 2) О том, чтобы поехать на практику, и пометил их 16 мая – задним числом, – я условился с Любовью Сергеевной, что она их подаст Кузнецову, а ей позвоню.

Вечером я позвонил. Она сказала, что Кузнецов разрешил 1-е прошение – можно держать экзамены осенью, а второе – сказал, что это не в его власти и зависит от Модорова. Мне это уже не понравилось. Тем не менее я в тот же вечер позвонил Модорову на квартиру и довольно сухо изложил ему, что я еду в поездку завтра и хотел бы знать, будет ли моя жена принята на практику или «по примеру прошлого года» не допущена до таковой. Он, по-видимому, уже получил от Сысоева соответствующие указания, ибо говорил со мной очень холодно. Он сказал: «Я посмотрю, какие у нее успехи». По правде сказать, я немного боялся, что он вломится в амбицию и откажет, и решил, что сегодня утром, 29-го, я позвоню в ин-т, и если получу отказ, то пойду опять к Сысоеву или оставлю тебе письмо для него, чтобы ты сама отнесла в Комитет. Однако в 5 вечера, когда я позвонил его секретарше, она сообщила мне, что Модоров – разрешил. Интересно знать, что бы ты делала, если бы я не уладил твои дела? Благодарю Бога, что у тебя такой муж. Теперь я уезжаю спокойно. Возможно, что я проболтаюсь числа до 15-го июля в поездке. Тогда отпуск возьму с 1-го августа, и ты к этому времени уйдешь в отпуск. Ну пока, еще раз целую. Пиши на Могилев, как только приедешь, а то письмо меня не поймает. Всего хорошего.

Саша

Ялта.

9 октября 1952.

Дорогая моя доченька!

Получил твоё письмо. У меня за тебя сердце болит. Уж очень ты принимаешь все близко к сердцу. Вот и ху-деешь, и мешки под глазами, и сердце болит. Успокойся, маленькая! Ведь это ж не твоя профессия! У тебя есть высокое, радостное, благодное искусство – живопись, в котором ты уже сейчас сильна, как молодая талантливая актриса – в театре. Ты – начинающая. Но у тебя все впереди! Зачем тебе это кино? Черт с ним! Это же век бабочки! Посмотри – все эти актеры-первачи, которые еще недавно так шумели и получали звания народных, – уже отыгались. Отцвели. Вот тут Андреев, Дружников и др., еще недавно игравшие первые роли, уже играют вторые и третьи роли во второсортных фильмах, вроде «Максимки» у третьесортного режиссера Брауна и счастливы, что их хоть в таких фильмах показывают! Ведь ничего же верного, прочного, никакого положения кино не дает! Оно случайно до ужаса. Кому-то что-то удалось – пошумели, поговорили и ... забыли!

И никакие титулы и награды помочь не могут! Брось, девочка, думать об этом! Если я играю, то только потому, что мне некуда девать свое дарование. Петь мне нельзя то, что я хочу и могу, а я актер до мозга костей, и мне тесно и противно в поставленных рамках, и я ищу какой-то разрядки! А у тебя же есть прекрасная высокая цель – стать художником! Есть большой творческий путь, который только расстилается перед тобой и по которому ты делаешь только первые шаги! Думай только о нем! Выкинь из головы эту проклятую халтуру – кино, которую вершат ненадежные, неверные и неумелые люди – авантюристы, искатели удач и легкой славы! За подлинное искусство надо платить годами жизни, труда кропотливого, упрямого и целеустремленного. Мне оно стоит 35-и лет ученья, мук и сомнений! А какие особые награды я получил? Право работать как вол? И все. Еще имя. Но любой футболист или боксер имеет такое же, если не большее, и любят его все – до уличных мальчишек включительно! Выкинь все это к дьяволу и учись серьезно. И если это трудно, так зато это стоит усилий!...

Ленинград.

30 мая 1954.

«...Посетил по твоему приказу Русский музей. Видел Серова, и Коровина, и Головина, и Куинджи, но до Врубеля не дошел. Живопись меня как-то мало волнует. Очевидно, я в ней ничего не понимаю. Архитектура и скульптура – очень. Какой изумительный Петр 1-й Антокольского! Я бы поставил его фигуру где-нибудь «У морских ворот Невы», как говорит Ахматова, там, где он «в Европу прорубил окно».

Перед «Асторией» в садике цветут тюльпаны и гиацинты, но какие-то чахоточные от недостатка солнца. Я с наслаждением переехал бы сюда жить. С каждым приездом я все больше влюбляюсь в этот город Петра и Пушкина, Фальконета и Росси, Бенуа и Блока. А главное, что тут нет такой толкучки, как в Москве. Тут можно спокойно ходить по улицам, заходить без давки в магазины и не слышать ругательств и визга наших осатаневших баб, злых, как оводы, грязных и жадных. Да, хорошо здесь доживать свои дни! Ну... я пою, помнишь, у Ларисы Андерсен замечательные строки:

Я иду в этой жизни, спокойно толкаясь с другими.

Устаю. Опираюсь на чье-то чужое плечо,

Нахожу и теряю какое-то близкое имя!..

Ленинград.

31 мая 1954.

Дорогая Лиличка!

Вчера у меня был выходной. И мы с Алешей пошли посмотреть на квартиру Пушкина. На меня это произвело огромное впечатление. Я и сегодня не могу от него отделаться. Это ужасно грустно. Диван, на котором он умер, перо, которым он писал в последний день, письмо его жене – «не кокетничай с царем», библиотека...

Там была какая-то ученая из академии. Она нам много рассказывала – не все в квартире подлинное, его личное. Много пропало. Но заменено вещами, такими же, той же эпохи, только он к ним не прикасался. Все книги заменили точно такими же, а настоящие хранятся в сейфах Академии. Портреты и акварели подлинные. Его трость, сабля, которую ему подарили в Арзруме... Квартира скромная... И все это было так недавно. Точно его вчера убили... Я ходил по комнатам, и мне хотелось плакать. Все неверно, все жестоко, Все навек обречено...

Кто-то равнодушный и безжалостный создавал человека! Так подло ни от чего не защищен человек, так коротка эта жизнь, и так трудно подниматься вверх по этой грязной лестнице жизни!..

В Ленинграде все еще держится теплая погода. Мне уже надоело здесь и скучно без тебя и детей...

Целую тебя, лапочка, и воображаю, как ты устала. Теперь отсыпайся побольше.

Саша

12

13

■ «Цветы в гжельской вазочке»

[Handwritten signature]

А. М. Сидоров

■ «Золотые шары»

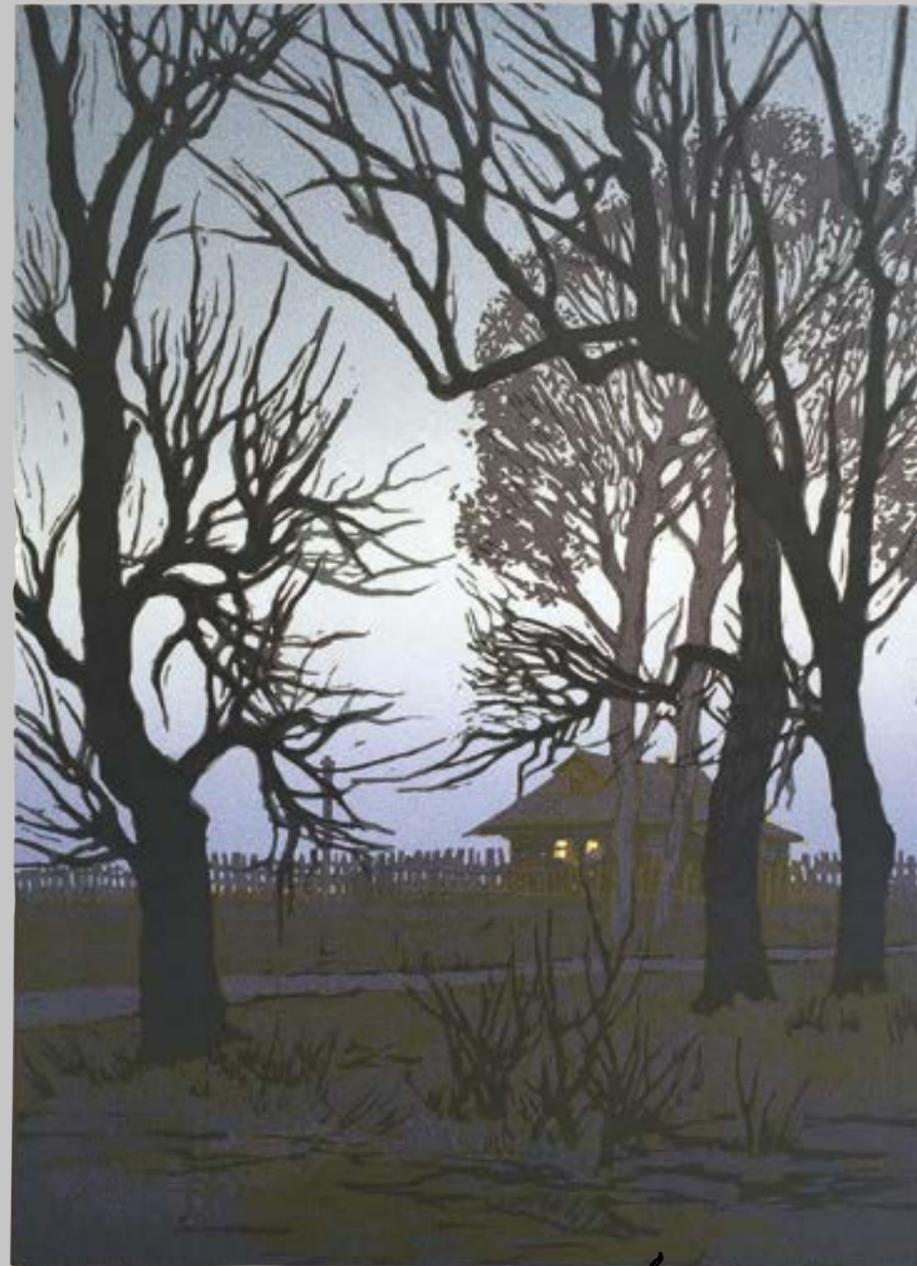
А. М. Сидоров

■ «Золотые шары в синей вазе»

[Handwritten signature]

■ «Зимний день»

[Handwritten signature]

■ «Пейзаж с зеленым домиком»

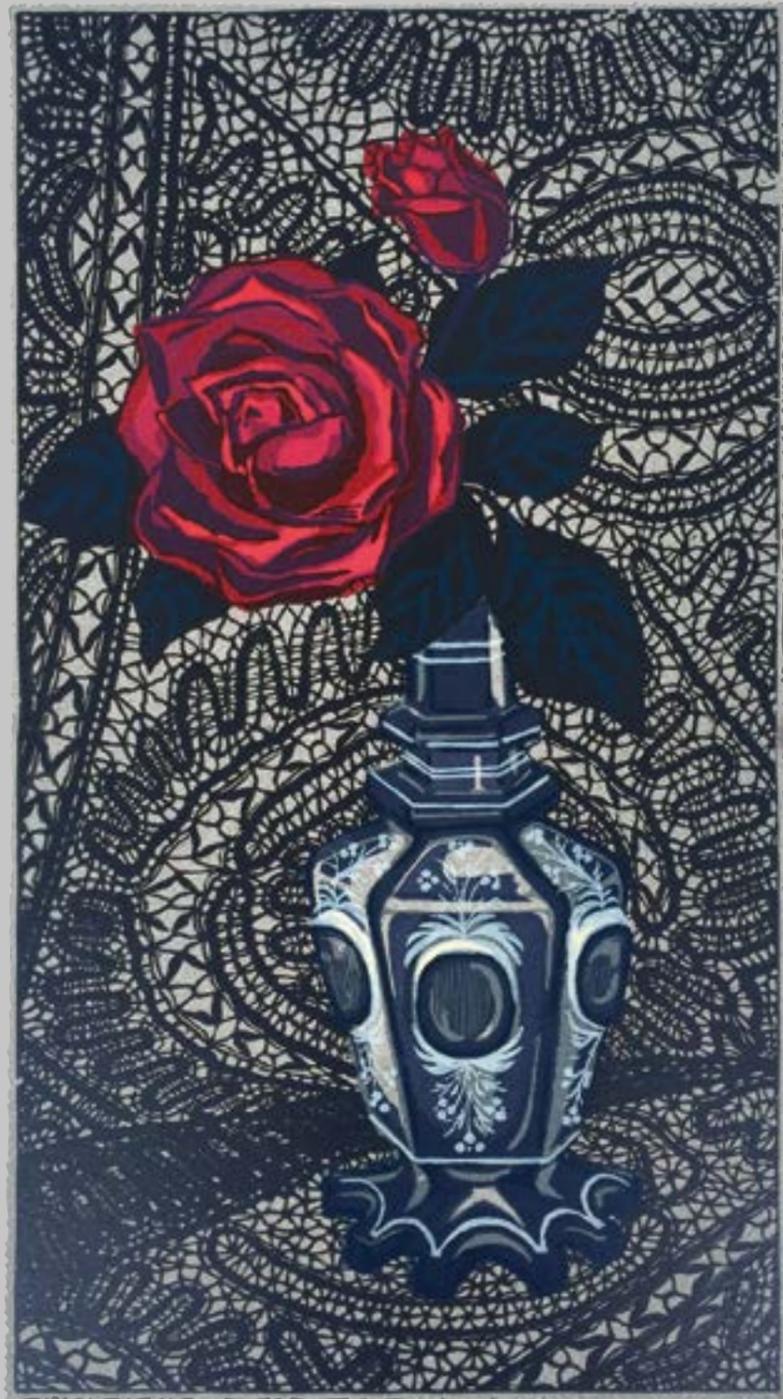
Handwritten signature

■ «Розы»

Handwritten signature

■ «Дачный букет»

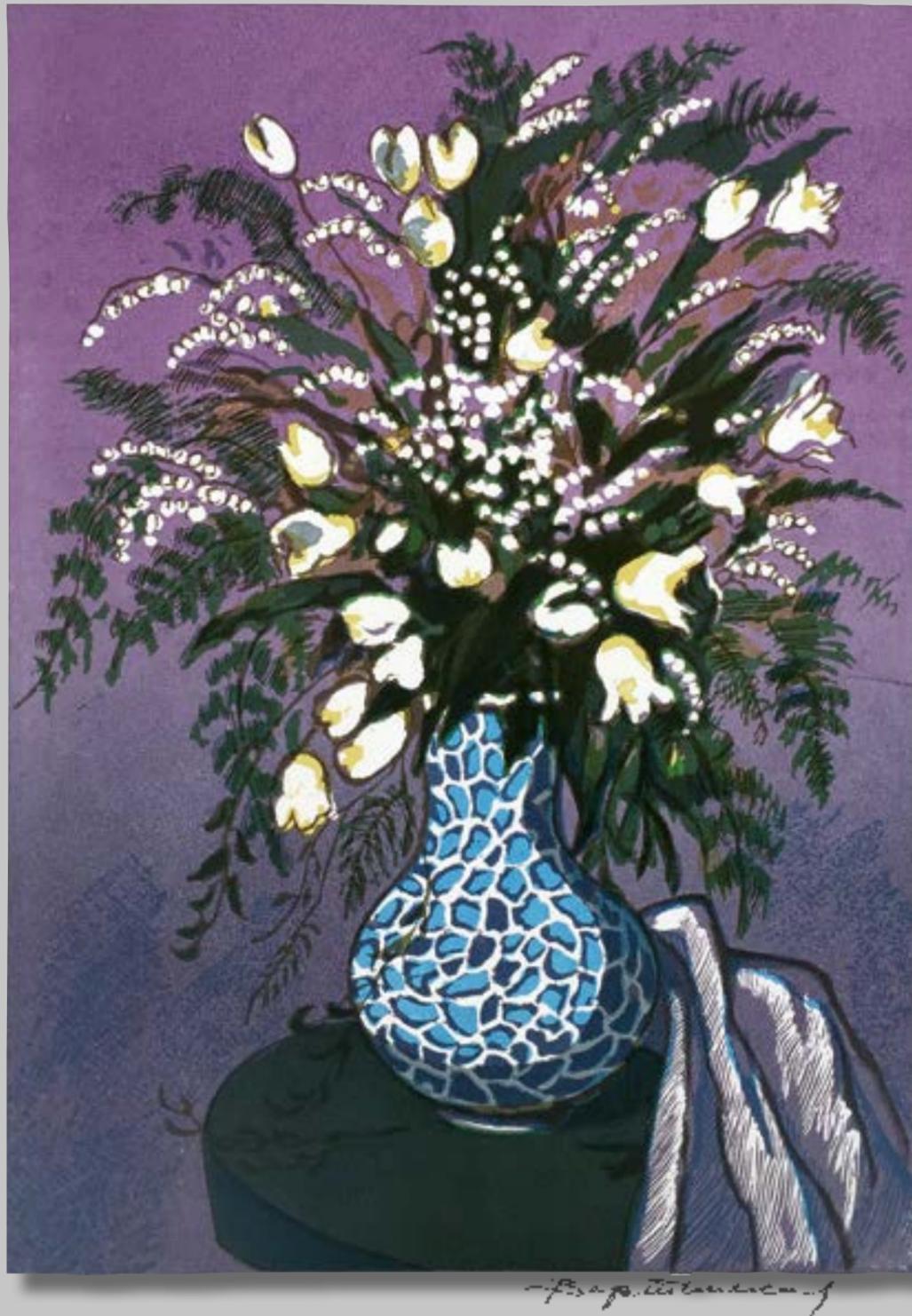
Ar

■ «Кармен»

Бориславский

■ «Летний букет»

■ «Букет с ландышами»

■ «Осенние цветы»

А. М. Сидоров

■ «Цветы в розовом кувшине»

А. М. Сидоров

■ «Васильки»

30

31

Handwritten signature

А

■ «Два букета»

А

■ «Ромашковое настроение»

А. М. ...

■ «Колокольчики»

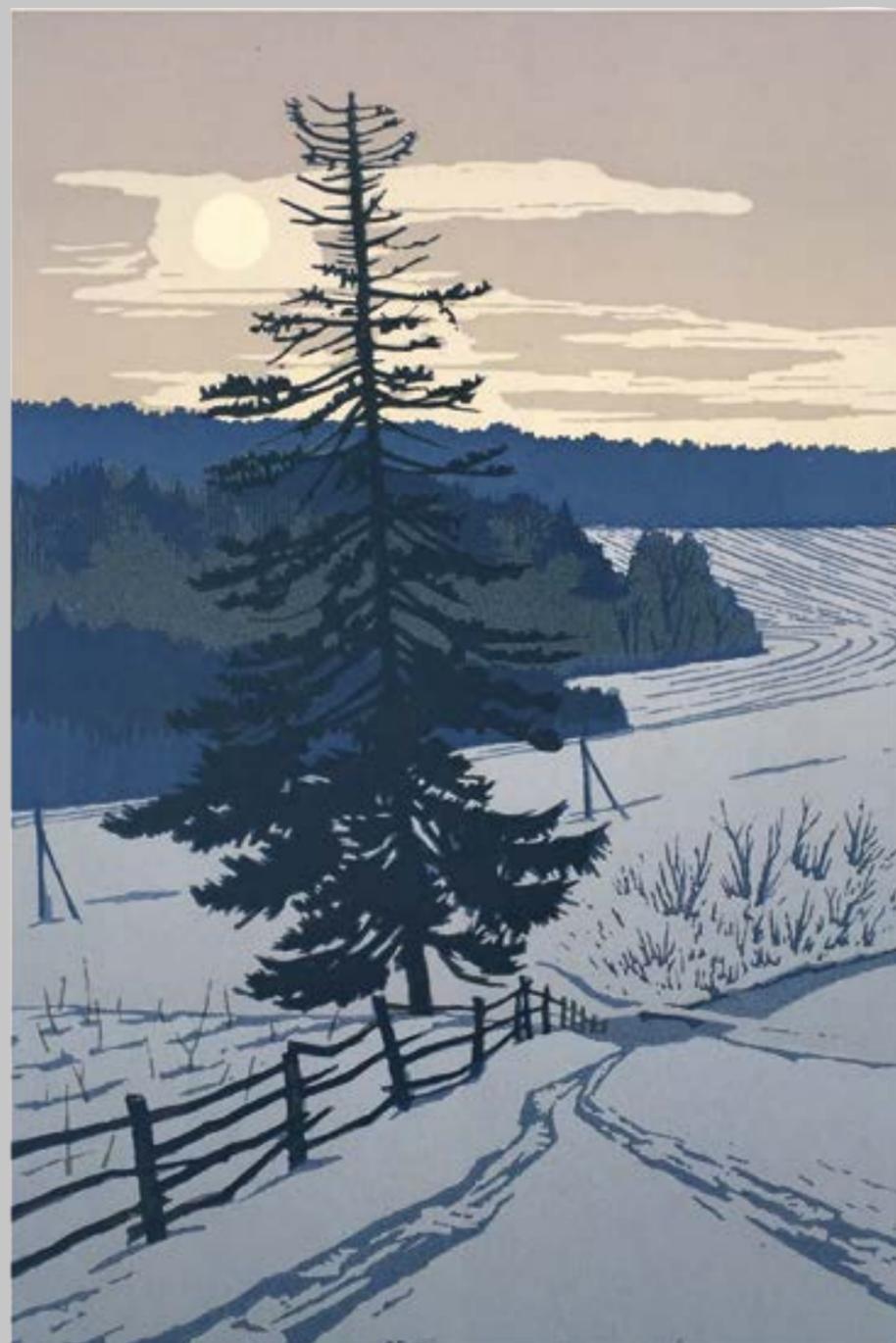
А. М. ...

■ «Астры на синем фоне»

Am

■ «Маленький пруд»

Am

■ «Зимняя дорога»

P. P. Kozlov

■ «Летний вечер»

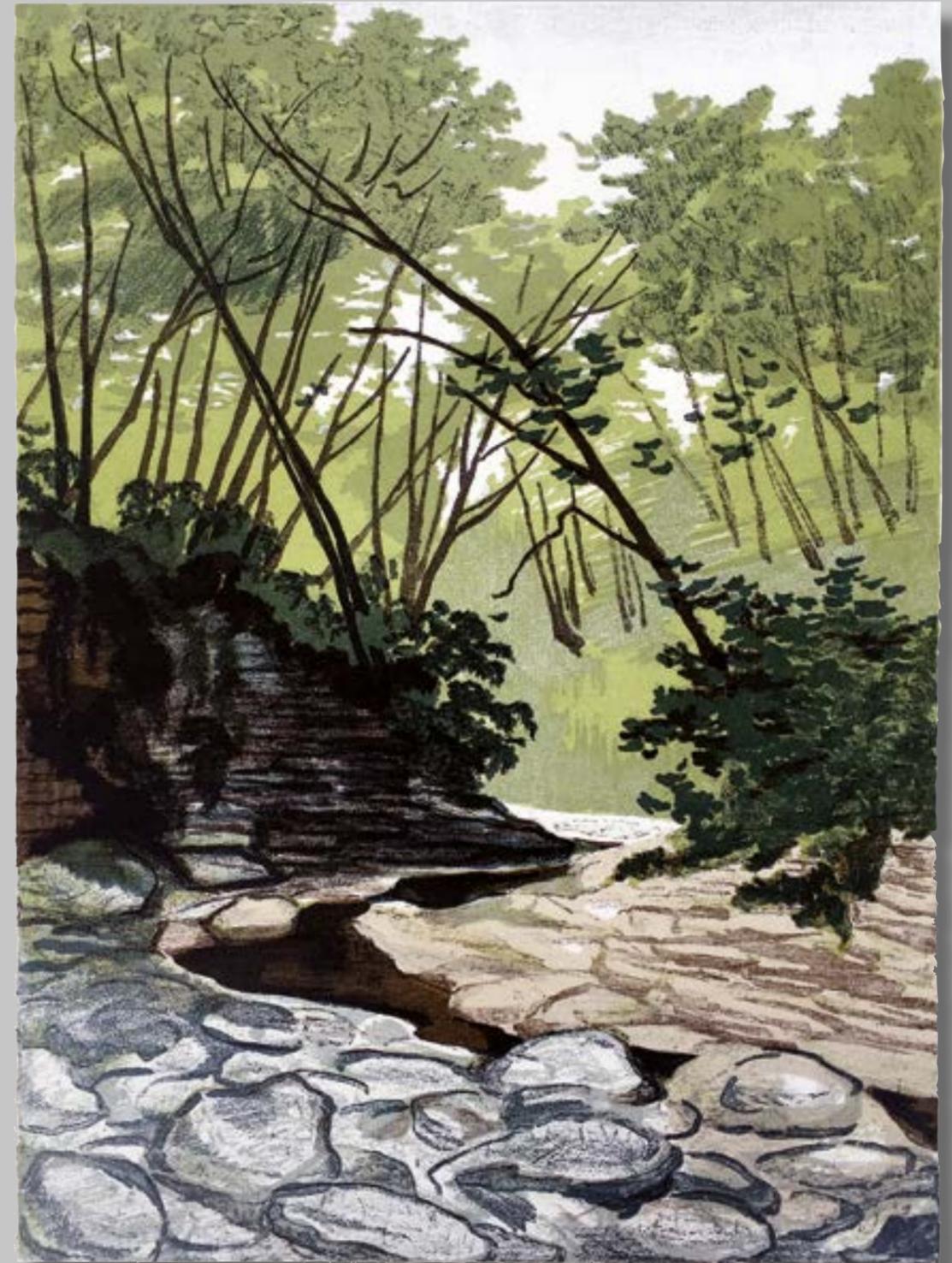
A. A. Kozlov

■ «Березы у реки»

Ar

■ «В Тарусе»

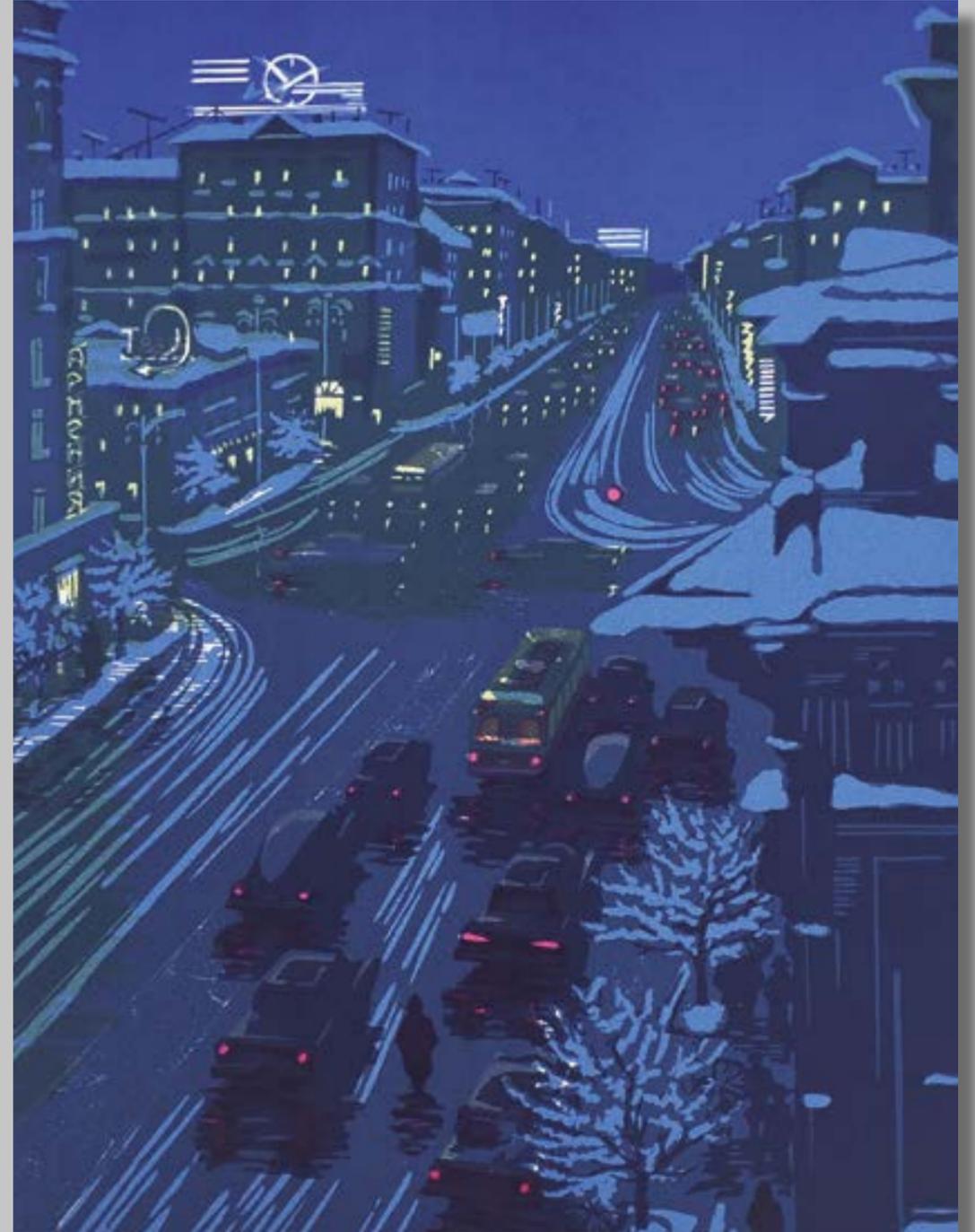
Ar

■ «Тихая заводь»

Priglasenie

■ «Улица Горького. Вид из окна»

Priglasenie

■ «Улица Горького. Вид из окна зимой»

В
-Богданович

К. С. Платонов

■ «Зима. Синий лес»

И. П. Иванов

■ «Белые астры»

frap. t. l. m. s. c. f.

■ «Одуванчики»

—

■ «Осенний ветер»

■ «Осенний пейзаж»

64

65

■ «Цветы в гжельской вазочке» (вариант)

■ «Вечером в сквере»

■ «Вечером в сквере» (вариант)

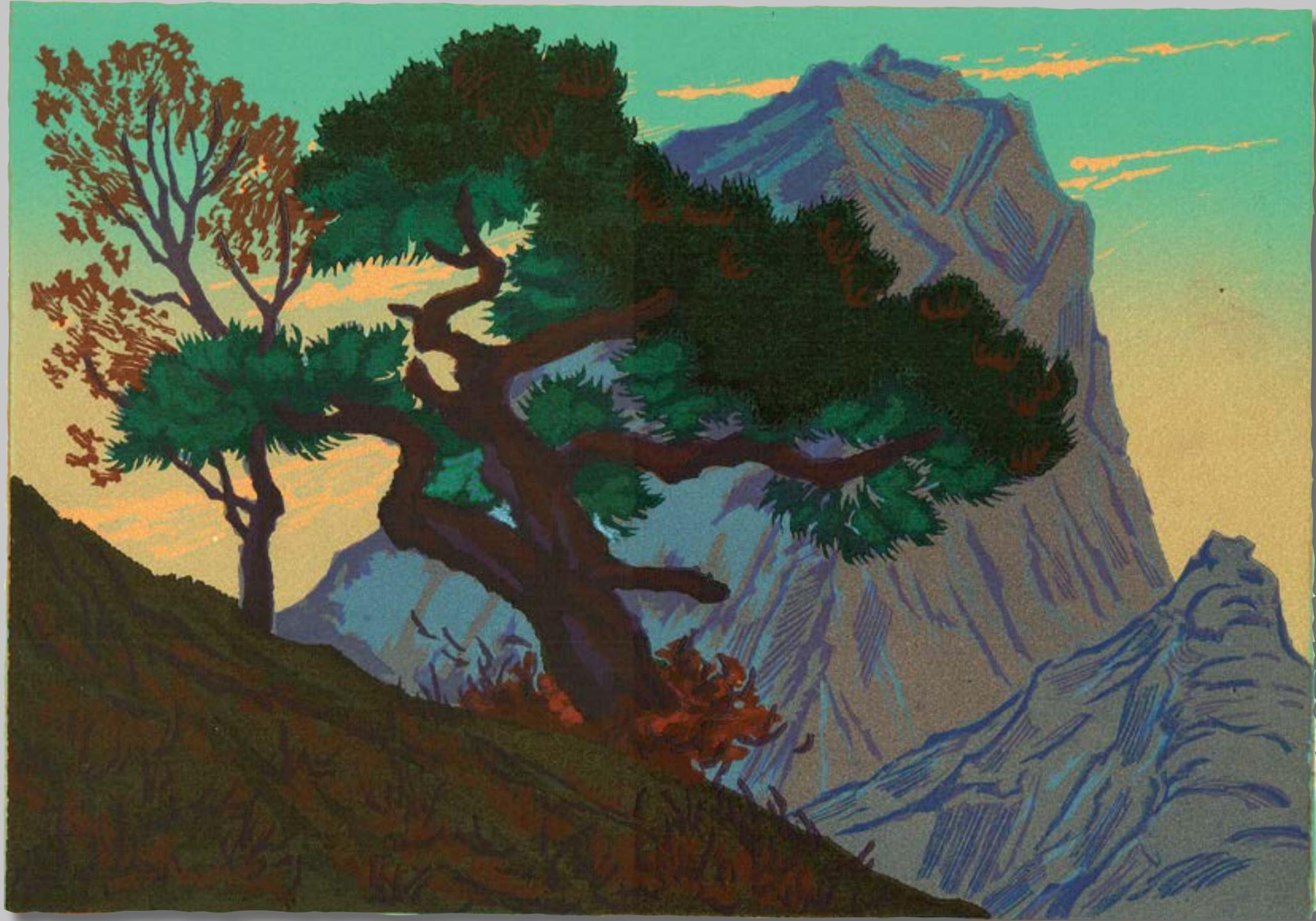
Handwritten signature or mark.

■ «Самшитовая роща» (черно-белый вариант)

А. М.

■ «Самшитовая роща»

Борис Кустодиев

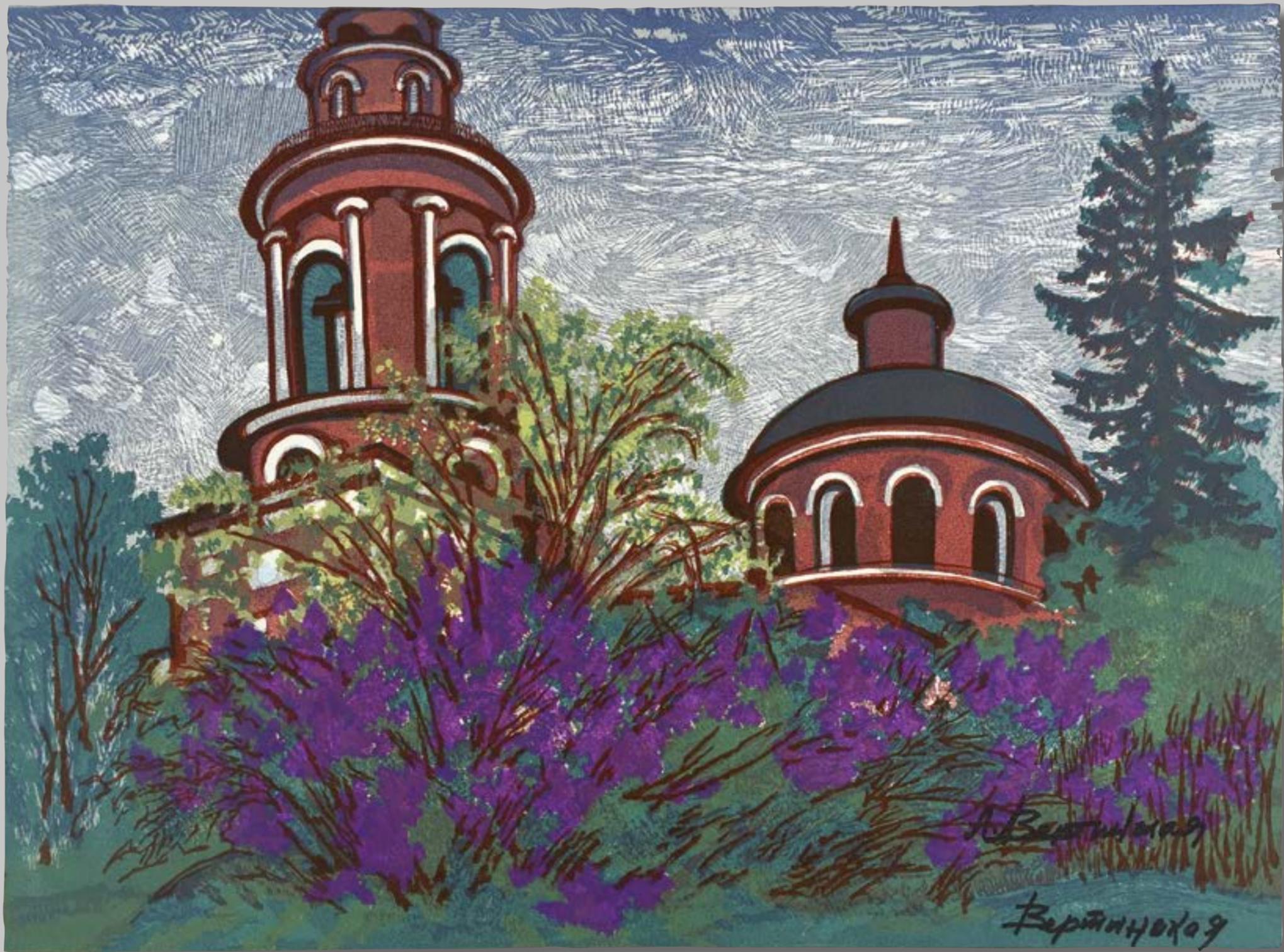

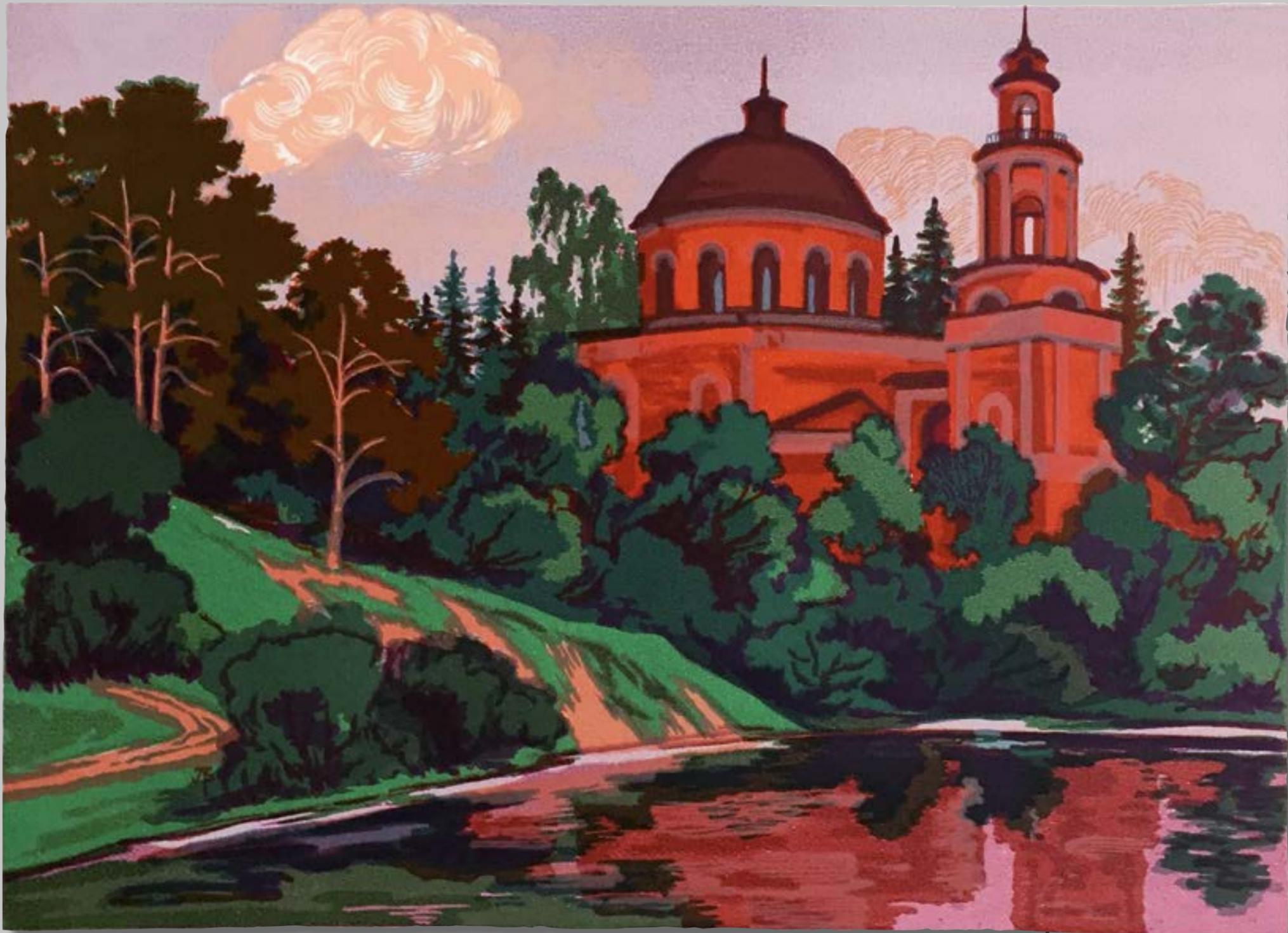
■ «Летний вечер»

A. —

■ «Осенний мотив»

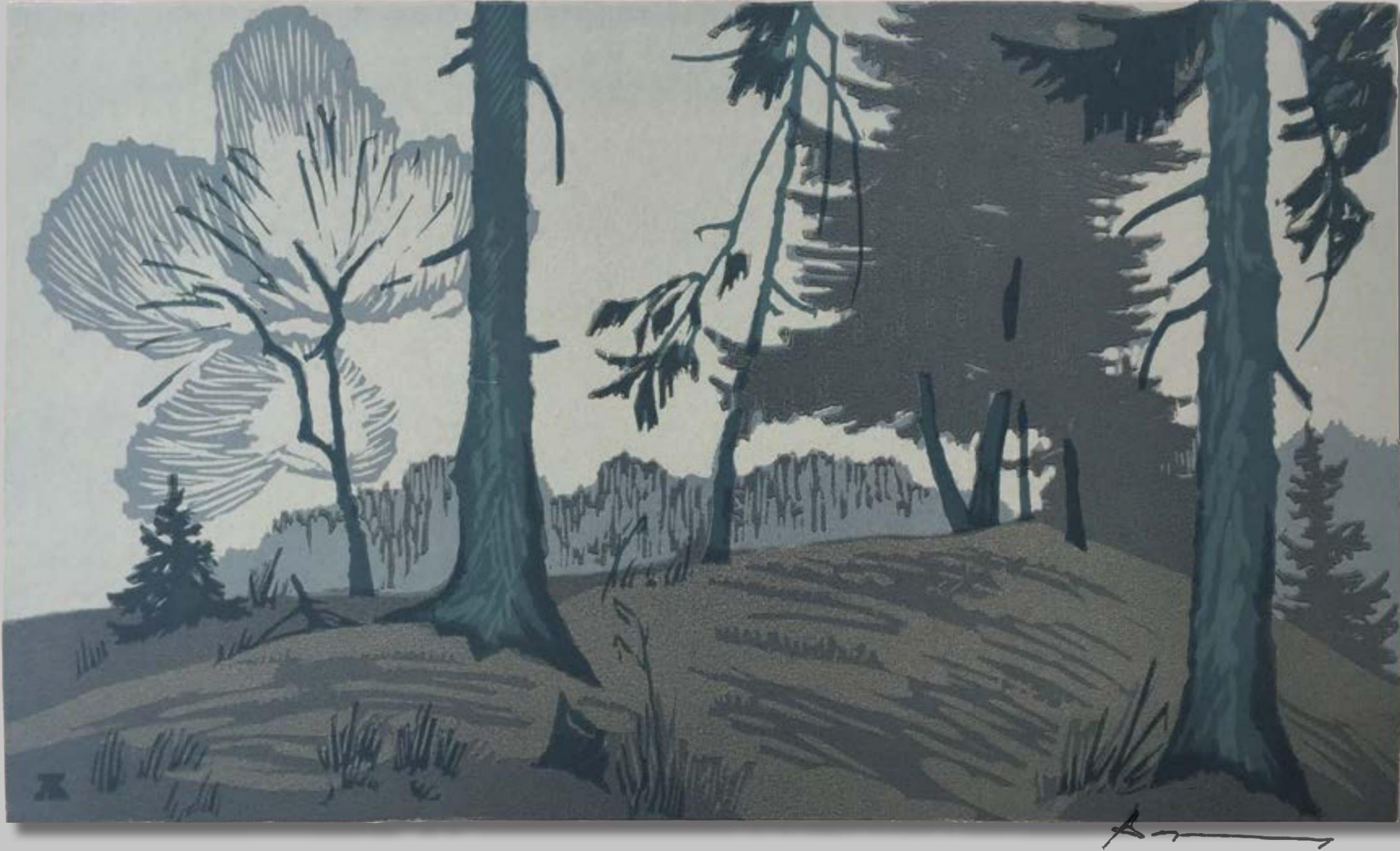
Ivan Aivazovsky

■ «Ивы у воды»

Handwritten signature

■ «Вдоль Ангары»

■ «Серый день»

Александр Вертинский с дочерьми Марианной и Анастасией. Москва, начало 50-х.

Выражаем благодарность
Алимжану Турсуновичу Тохтахуну,
российскому бизнесмену и меценату.

www.ekc-verein.de · info@ekc-verein.de

©2018 Авторы проекта: Анастасия Вертинская и Ирина Стежка

Дизайн: Георг Порншлегель, Германия

Охраняется Законом РФ об авторском праве

В каталоге использованы фотографии из семейного архива Вертинских
Графические работы Лидии Вертинской из коллекции Анастасии Вертинской и Ирины Стежка.

EKC
EUROPÄISCHER
KULTUR CLUB E. V.

Бракосочетание в Шанхае 26 апреля 1942 г.

С мужем Александром Вертинским

С мамой Лидией Павловной

Александр Вертинский с дочерьми

Биография

Вертинская Лидия Владимировна

Советская и российская актриса, художник.

- 1923, Харбин, Китайская Республика – 2013, Москва.
- 1940 Познакомилась с русским певцом-шансонье Александром Вертинским.
- 1942 В Кафедральном соборе в Шанхае состоялось их бракосочетание.
- 1943 С мужем и трехмесячной дочкой возвращается из эмиграции в Москву.
- 1955 Окончила факультет живописи Московского государственного академического художественного института имени В.И.Сурикова. Начала работать художником на полиграфическом комбинате, принимала участие в выставках.
- 1950-1960-е Снималась в пяти художественных фильмах.

VERTINSKAYA Lidia

Soviet and Russian actress and artist.

- 1923 born in Harbin (People's Republic of of China) – † 2013 in Moscow.
- 1940 met with the Russian singer Alexander Vertinsky.
- 1942 held their wedding in the Cathedral in Shanghai.
- In 1943 with her husband and three-month daughter returned from exile in Moscow.
- 1955 graduated from the Faculty of Painting of the Moscow State Academic Art Institute Surikov. Started working as an artist in the printing plant, participated in the exhibition.
- 1950-1960's starred in five feature films.

1952
«Садко»
волшебная птица Феникс

1958
«Новые
похождения
Кота в сапогах»
молодая колдунья

1963
«Королевство
кривых зеркал»
Анидаг

ФИЛЬМОГРАФИЯ

1957 · «Дон Кихот» · герцогиня

1958
«Киевлянка» (2-я серия)
фрау Марта

1957
«Дон Кихот»
герцогиня

СОДЕРЖАНИЕ

2

3-7

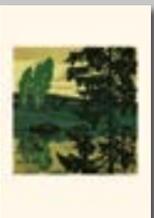
9 + 10-11

26-27
«Осеннее настроение» · 1970-е гг.
Цветная линогравюра.
Изображение 40 x 28 см
Бумага 50 x 40 см

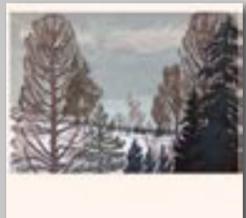
33
«Ромашковое настроение» · 1970-е гг.
Цветная линогравюра.
Изображение 50 x 30 см
Бумага 62,5 x 40,5 см

38
«Летний вечер» · 1964 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 23,5 x 23 см
Бумага 37,5 x 35 см

12-13
«Цветы в гжельской вазочке» · 1979 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 38,8 x 28,5 см
Бумага 51,6 x 40 см

18
«Зимний день» · 1970-е гг.
Цветная линогравюра.
Изображение 39 x 27 см
Бумага 48 x 35 см

22
«Кармен» · 1980-е годы.
Цветная линогравюра.
Изображение 40 x 22 см
Бумага 51 x 31 см

28
«Цветы в розовом кувшине» · 1970-е гг.
Цветная линогравюра.
Изображение 31 x 43,3 см
Бумага 57,7 x 44,5 см

34
«Колокольчики» · 1970-е гг.
Цветная линогравюра.
Изображение 41,7 x 30,8 см
Бумага 57,2 x 45,7 см

39
«Березы у реки» · 1977 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 39 x 21,6 см
Бумага 55,3 x 36,5 см

14-15
«Оттепель» · 1979 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 21,5 x 40 см
Бумага 55 x 37,5 см

19
«Пейзаж с зеленым домиком» · 1975 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 34,7 x 24 см
Бумага 47,2 x 34 см

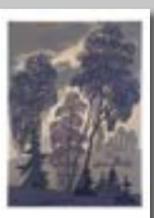
23
«Летний букет» · 1980-е гг.
Цветная линогравюра.
Изображение 38 x 29,5 см
Бумага 52,5 x 40,2 см

29
«Васильки» · 1970-е гг.
Цветная линогравюра.
Изображение 24,1 x 38,2 см
Бумага 54,2 x 39 см

35
«Астры на синем фоне» · 1974 г.
Цветная линогравюра
Изображение 29,7 x 40 см
Бумага 56,6 x 45 см

40
«В Тарусе» · 1977 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 39,8 x 27,4 см
Бумага 46,5 x 33,5 см

16
«Золотые шары» · 1978 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 41 x 28,2 см
Бумага 53,5 x 38,5 см

20
«Розы» · 1975 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 40 x 22,5 см
Бумага 54 x 34 см

24
«Букет с ландышами» · 1980-е гг.
Цветная линогравюра.
Изображение 35,5 x 25,3 см
Бумага 47,5 x 35 см

30-31
«Сумерки» · 1970-годы.
Цветная линогравюра.
Изображение 41,5 x 28 см
Бумага 51,5 x 40 см

36
«Маленький пруд» · 1977 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 30 x 42,5 см
Бумага 45 x 60 см

41
«Тихая заводь» · 1978 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 38 x 27 см
Бумага 50,4 x 37 см

17
«Золотые шары в синей вазе» · 1978 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 38,8 x 28,5 см
Бумага 51,6 x 40 см

21
«Дачный букет» · 1980-е годы.
Цветная линогравюра.
Изображение 40,8 x 28 см
Бумага 52,5 x 38,6 см

25
«Осенние цветы» · 1988 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 43 x 31,5 см
Бумага 54,8 x 42 см

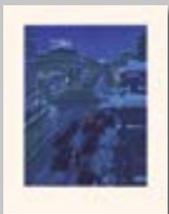
32
«Два букета» · 1979 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 38 x 29,5 см
Бумага 50 x 40 см

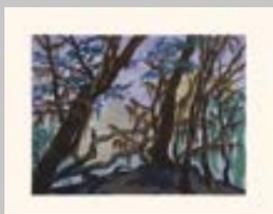
37
«Зимняя дорога» · 1977 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 31,5 x 20,5 см
Бумага 44 x 30,5 см

42
«Улица Горького. Вид из окна» · 1980-е гг.
Цветная линогравюра.
Изображение 39 x 29 см
Бумага 50,5 x 43 см.

43
«Улица Горького. Вид из окна зимой» · 1980-е гг. Цветная линогравюра.
Изображение 39,2 x 29 см
Бумага 51,5 x 38,8 см

52-53
«В лесу дремучем» · 1960-е гг.
Цветная линогравюра.
Изображение 38 x 28 см
Бумага 48 x 40,5 см

62-63
«Разлив» · 1979 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 40,8 x 19,8 см
Бумага 50,5 x 31 см

72-73
«Самшитовая роща» · 1960-е гг.
Цветная линогравюра.
Изображение 40 x 28,4 см
Бумага 48 x 38,5 см

82-83
«У стен монастыря» · 1960-е гг.
Цветная линогравюра.
Изображение 40 x 28 см
Бумага 50 x 40 см

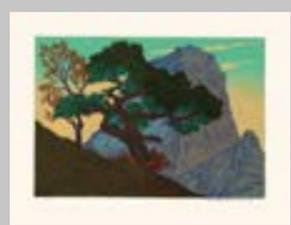
44-45
«Рябина» · 1970-е гг.
Цветная линогравюра
Изображение: 49 x 33,2 см
Бумага: 63,3 x 49,7 см

54-55
«Осенний ветер» · 1970-е гг.
Цветная линогравюра.
Изображение 26,2 x 18,8 см
Бумага 35 x 29 см

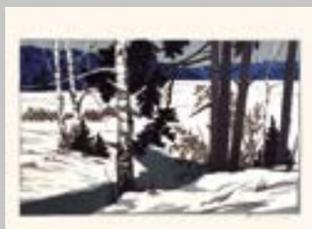
64-65
«Цветы в гжельской вазочке» · 1979 г.
Цветная линогравюра (вариант).
Изображение 40,8 x 29 см
Бумага 50 x 40 см

74-75
«Южный вечер» · 1979 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 21 x 30 см
Бумага 33 x 40,3 см

84-85
«Монастырь» · 1960-е гг.
Цветная линогравюра.
Изображение 41 x 29,5 см
Бумага 56 x 45,8 см

46-47
«Зима. Синий лес» · 1960-е гг.
Цветная линогравюра.
Изображение 33 x 20 см
Бумага 48 x 37 см

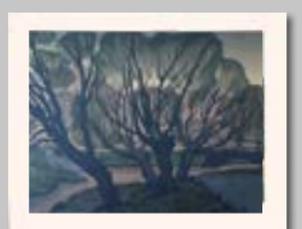
56-57
«Лесное озеро» · 1979 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 41,5 x 30 см
Бумага 47,5 x 37,5 см

66-67
«Вечером в сквере» · 1978 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 38,8 x 29,3 см
Бумага 46 x 35 см

76-77
«Золотая осень» · 1970-е гг.
Цветная линогравюра, гуашь.
Изображение 39 x 27,5 см
Бумага 49,5 x 40 см

86-87
«Ивы у воды» · 1975 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 29 x 43 см
Бумага 41 x 53 см

48-49
«Белые астры» · 1980-е годы.
Цветная линогравюра.
Изображение 37 x 28,5 см
Бумага 47,2 x 40,5 см

58-59
«На пруду» (эскиз) · 1975 г.
Рисунок 40,5 x 28,5 см

68-69
«Вечером в сквере» · 1978 г.
Цветная линогравюра (вариант).
Изображение 38,5 x 29 см
Бумага 47 x 35 см

78-79
«Летний вечер» · 1970-е гг.
Цветная линогравюра.
Изображение 40,5 x 29,5 см
Бумага 49 x 40 см

88-89
«Вдоль Ангары» · 1969 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 30 x 50 см
Бумага 40 x 58 см

50-51
«Одуванчики» · 1979 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 42,2 x 32 см
Бумага 60 x 45 см

60-61
«Осенний пейзаж» · 1975 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 36 x 27 см
Бумага 51 x 43,5 см

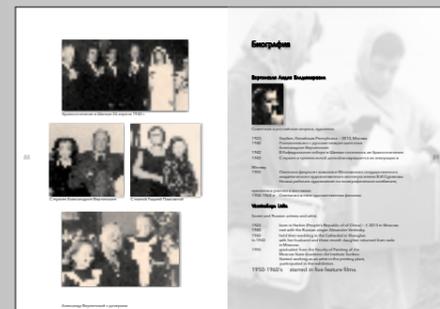
70-71
«Самшитовая роща» · 1960-е гг.
Линогравюра (черно-белый вариант).
Изображение 40 x 28,2 см
Бумага 47,5 x 33 см

80-81
«Осенний мотив» · 1978 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 30 x 19 см
Бумага 40 x 28 см

90-91
«Серый день» · 1975 г.
Цветная линогравюра.
Изображение 29 x 43 см
Бумага 41 x 53 см

92-93

94-95

Кадр из фильма «Садко» (режиссер А.Птушко).
1952 г. Лидия Вертинская в роли птицы Феникс.

На «натуре» (Лидия Вертинская стоит слева)